

Я, как и все, чьи голоса и мысли были Владимиру Никифоровичу приятны и интересны, в эти тяжелые дни без конца вспоминаю все, что было с ним связано: события, разговоры, атмосферу, идеи... Я чувствую, как это было важно, как это сейчас важно и всегда будет оставаться значимым для меня. Я поняла, что у меня было и есть настоящее сокровище: записи с его быстрых слов, пометки его неразборчивым почерком, его статьи, презентации, все, что я смогла запомнить... Его идей хватало на всех, он щедро ими делился, иногда вскользь, но его мысли все преображали: любую тему, любой разговор, любое собрание. Я корю себя за то, что некогда не оказалось под рукой хотя бы грошового карандаша записать то, что сейчас было бы бесценным. Ведь сформулировать идею так, как это мог Владимир Никифорович, не мог никто. Он ловил мысли на лету, извлекал их из бурлящего океана и облекал в прекрасные одежды.

Он афористично мыслил, часто приводил мудрые изречения. Теперь мы по строчке вспоминаем то, что он любил говорить. Мне вспомнились слова Владимира Никифоровича о том, что интерес, бескорыстный и неподдельный интерес, простое человеческое любопытство — глубокая вещь, загадочная, метафизическая. Непонятно, откуда он берется, как возникает, но с него многое начинается в этом мире. И ведь Шеф умел пробуждать интерес в людях. Интерес к учебе, к сложным вещам — философии, логике, к работе, к вегетарианству, к проектам, к жизни, к тому подобным вещам. Он мог вдохновить и за-

интересовать каждого, с кем общался, получалось это непринужденно, светло, без тени высокомерия. Это происходило, наверное, потому, что ему самому были интересны люди. Человек в философском смысле и каждый из нас «с ушами и глазами величиной с пятак и кожей - шрам на шраме, надетой на костяк...», с нашими горестями и радостями, светлыми делами. При этом мы все — наше кафедральное сообщество, студенты, аспиранты — находились под покровительством, были уверены, что любое затруднение в конечном счете будет решено наилучшим образом, если обратиться к Шефу. Нет сомнений, что он выбирал наилучшее, доброе и справедливое.

Он был мудр, удивительно много знал и теперь знает больше нас, а мы остаемся в неведении, остаемся с нашими вопросами. Зачем? Почему? На что мы можем надеяться? Мы потеряли и наше сердце, и наш источник рациональности. И все же, наверное, следует поставить философскую запятую, о которой Владимир Никифорович любил говорить студентам, потому что, ушедши от нас, не покинул нас вовсе.